

**65-летию Победы  
в Великой Отечественной Войне  
посвящается**



Игорь Смольников

## БОЛЬШОЙ БУКЕТ ПОДСНЕЖНИКОВ

*Фронтвой дневник,  
письма с фронта и на фронт,  
рассказы*

Ф.М. Смольников. «...большой букет подснежников, собранных и преподнесённых мне моими девушками». (Из письма 20 апреля 1943 года).

Санкт-Петербург  
2010

Издание выпущено при поддержке  
Комитета по печати и взаимодействию  
со средствами массовой информации  
Санкт-Петербурга



С50 Смольников И. Большой букет подснежников/Илл. автора. СПб., ГРИФ, 2010.  
172 с.

В ряду художественной и документальной прозы о Великой Отечественной войне эта книга представляется несколько необычной: она соединяет то, что не принято публиковать вместе – подлинный документ, дневник фронтовика и простые рассказы мальчишки военного времени, написанные спустя десятилетия после Победы, когда этот мальчишка стал известным писателем. Публикуемый текст, как диалог через время – сменяющие друг друга голоса отца и сына дополняют друг друга, создают единый образ и позволяют услышать и увидеть что-то новое в панораме далёких героических лет.

ISBN 978-5-85388-035-1



© И.Смольников, текст, илл., 2010  
© А. Веселов, макет, 2010  
© «ГРИФ», 2010

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Это книга о военном времени, о войне и совсем немного о времени послевоенном. Один из её авторов и героев – кадровый военный, начальник связи в различных авиасоединениях. Второй автор и персонаж – его сын, в годы войны школьник.

Отец вёл на фронте дневник. Я опубликовал его через двадцать семь лет после смерти отца. При его жизни я не знал о дневнике. В этой книге я привожу его в отрывках.

«Большой букет подснежников» – это повествование о фронте и глубоком тыле, о двух людях, связанных родством и единой для их соотечественников судьбой в ту грозную эпоху. Дневниковые записи, письма мальчишки на фронт и рассказы этого мальчишки, который стал профессиональным литератором, образуют сюжет, возможно, оригинальный для книг о войне и, уж во всяком случае, приоткрывающий некоторые новые для читателя черты военных буден на фронте и в тылу.

Это своеобразная мозаика. Поневоле выборочная. Но, как всякая мозаика, дающая некоторое представление о событиях и судьбах.

Важное место в книге занимают фотографии военных лет. Этих фото, к счастью, сохранилось немало. Более десяти из них я сам напечатал с фронтовых негативов.

Четыре года Великой войны стали главным делом всей жизни отца. Как и для многих кадровых военных Красной Армии. Вся их довоенная служба была, по сути, подготовкой к Великой Отечественной. А война – вершиной судьбы. И они победили в той войне.

Игорь Смольников



Санаторий имени К. Ворошилова.

## ПЕРЕД ВОЙНОЙ

До войны два или три раза отец уезжал в санаторий. Я и мои дружки провожали его.

Это были не совсем обычные проводы. Лето наша семья проводила под Витебском в местечке Бароники. Моя мальчишеская жизнь получала там особое наполнение, ибо всё оказывалось рядом: военные машины, радиостанции, ровный строй палаток, в которых жили лётчики.

Неподалёку пролежала железная дорога.

Отец сообщил время, и мы пришли туда, к железнодорожной насыпи, встретить и проводить его. Он увидел нас из вагона, открыл окно, замахал рукой, что-то прокричал и бросил свёрток с гостинцами на всю нашу компанию.

Я тоже кричал, махал рукой, приплясывая на траве под высоким откосом.

Все дни до возвращения отца из отпуска я пытался представить, как он живёт там, на далёком, загадочном юге. Это были недели его жизни, совершенно недоступные для меня.

Были оттуда, с юга письма, но они в моей памяти проступают смутно, как бы сквозь колеблющуюся толщу воды. Я лишь угадываю контуры каких-то скал, водорослей, побережья... И было бы это совсем невозможным, ведь письма те сгорели в Витебске в самом начале войны, если бы на берегу Чёрного моря не сохранилась память об отце.

После войны, возможно, я предчувствовал что-то. Меня тянуло к морю, я часами бродил по берегу, слушал прибой, чего-то ждал.



Ф.М. Смольников. Довоенное фото.

В душе вместе с несмолкающим рокотом волн не проходила тревога. Я всё время боялся что-то упустить, с кем-то разминуться.

Что? С кем? Я не смог бы ответить на эти вопросы. Но меня не покидало ощущение, что где-то рядом со мной проходит человек, который встречался с отцом и знает о нём то, чего не знаю я.

Это было из области мистики. А ведь стоило мне тогда проехать дальше по побережью, и я бы оказался в маленьком домике у кромки леса, где жила одинокая пожилая женщина...

О ней я узнал неожиданно, получив по почте странички, вырезанные из тетради, – записки библиотекаря военного санатория. Отец в этих записках – один из многих «командиров РККА»\*, но с первого же прихода в библиотеку – не совсем обычный, а потому сразу запомнившийся. Где-то в середине своих записок автор делился таким наблюдением:

«Ежемесячно перед глазами проходит пятьсот лучших людей страны. Из них два, три, пять, десять обязательно говорят о нежных чувствах, о дружбе, о любви, клянутся, зовут... И когда, наконец, из многих один ничего не говорит и ни в чём не клянётся, то именно к нему пробуждается доверие. Хоть бы он в этом и не нуждался».

\* Рабоче-крестьянская Красная Армия.

Это была последняя мирная весна перед войной.

Девушка, выдававшая книги командирам, не ощущала подступавшей грозы. Но она чутко уловила что-то важное в одном из них.

«Он никогда не слонялся в безделье по территории, не торчал часами на садовых скамейках в наблюдении гуляющих... С веранды чудесного дворца отдыха звучала музыка, гремели песни и смех. Его комната была рядом. Но он предпочитал оставаться один у письменного стола или на балконе с книгой».

У библиотекаря Шуры был, конечно, свой, особенный взгляд на мир, на людей и, в частности, на майора-лётчика, который поразил её своей серьёзностью, даже суровостью, холодными голубыми глазами и «некурортным», очень взрослым что ли, – отношением к ней, девчонке.

И вот тут её свидетельство драгоценно.

Я читаю её записки, сделанные сразу, по горячим следам, и не могу не увидеть отца. Да, он был таким в то предвоенное время. Он мог быть только таким – командиром, который отчётливо сознавал, что война с фашизмом «вспыхнет завтра или послезавтра».

Шура записывает один спор.

Она не хочет верить в самую возможность войны, не хочет думать о ней, говорить – это так понятно. Он «спокойно, как будто о чём-то привычном, обыденном, размышлял:

– Война будет истребительная.

– Истребительная? Почему?

– Потому что кто-то кого-то должен будет истребить.

– А мы при чём?

– А при чём эти санатории, создававшиеся годами упорного труда? При чём вся наша жизнь? Наша, понимаете? Всё это может быть стёрто фашистами с лица земли. Как это уже стало с другой мирной жизнью, в Испании.

– Как вы смеее так говорить, товарищ майор? Опубликовано постановление, признающее все слухи о войне с Германией клеветническими.

Он улыбнулся:

– А я разве сказал, что собираюсь воевать именно с немцами? Но война будет в ближайшее время.

– Замолчите. Не смейте так говорить. Вас арестуют.

– Хо!»

Это восклицание, несомненно, было отцовским. Я очень хорошо помню это его «довоенное» «Хо!». Оно звучит у меня в ушах, как будто